Часть вторая

"ЧЕРНЫЕ ЛЕГЕНДЫ" ИСТОРИОГРАФИИ

Глава 1

"ОТРАВЛЕННЫЕ СТРЕЛЫ ПРОТИВ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ"

Раны от меча заживают, раны от языка остаются.

Японская пословица

Помимо непоколебимой приверженности к формационной схеме объяснения Французской революции, еще одной характерной для советской историографии чертой было весьма подозрительное, а то и откровенно негативное отношение к любым попыткам критики "классической" интерпретации данного события. Долгое время подобный подход ассоциировался у отечественных историков, прежде всего, с консервативным направлением исторической науки. Резко нетерпимое отношение к нему советских исследователей было напрямую связано с их уверенностью в том, что за любыми расхождениями в оценке Революции скрываются идеологические разногласия, а те, в свою очередь, являются отражением классовой борьбы. "Начиная с Реставрации, — писал Н.М. Лукин, — и вплоть до наших дней не было, кажется, эпохи, когда классовая борьба не находила бы своего отражения в наиболее ярких работах по истории Великой революции, когда то или иное понимание этой революции не становилось бы орудием борьбы на идеологическом фронте"[1]. Соответственно, при такой постановке вопроса оппонент по научной полемике превращался в "классового врага", с которым надо не обсуждать дискуссионные проблемы, а бороться.

---

[1] *Лукин Н.М.* Альфонс Олар (1849—1928) [1928] // Лукин Н.М. Избранные труды. М., 1960. Т. 1. С. 196. В начале своего научного пути автор этих строк также отдал дань подобным представлениям, являвшимся общим местом для советской историографии. См.: *Чудинов А.В.* Огюстен Кошен и его вклад в изучение Великой французской революции // ФЕ. 1987. М., 1989. С. 220.

Эффективным средством этой борьбы стала своего рода "черная легенда" о консервативной историографии, получившая самое широкое распространение в среде советских специалистов по Французской революции. Согласно этой "легенде", работы консервативных историков, в силу своей политической ангажированности, находятся за гранью науки и принадлежат скорее к жанру публицистики, нежели исторического исследования. Такой подход позволял вести "диалог" с оппонентами тоже в духе политического памфлета, не затрудняя себя анализом их аргументации.

В данном отношении весьма характерен пример оценки советскими исследователями научного наследия Ипполита Тэна, ведущего консервативного историка Франции конца XIX в. С 1917 по 1985 г. никто из них не удостоил его творчество даже статьей, тогда как во Франции за тот же период вышло более десятка монографий о нем[2]. Тем не менее Тэна советские историки в своих работах о Революции упоминали достаточно часто, но, делая это, они словно соревновались, кто более хлестко "припечатает" его в чисто публицистическом стиле. Н.М. Лукин, например, называл Тэна "идолом французских реакционеров", а его сочинение (вслед за А. Оларом) — "злостной карикатурой на историю революции"[3]. Т.В. Милицина, автор соответствующего раздела в "каноническом" для советской историографии труде 1941 г., характеризовала книгу французского историка как "грубую карикатурную мазню" и "гнусный памфлет"[4]. Но, пожалуй, всех превзошел здесь А.З. Манфред, высказавшийся с присущей ему яркой образностью: "Крайне реакционное направление историографии, имевшее с 70-х годов [XIX в.] своим признанным главарем Ипполита Тэна, продолжало вести войну отравленными стрелами против Великой французской революции..."[5]

Крайне негативное отношение с ярко выраженным идеологическим подтекстом советские историки проявили и к оформившемуся в середине XX в. "ревизионистскому", или "критическому"[6] направлению западной историографии. Начавшаяся с конца 50-х годов в Англии и распространившаяся в 60-е годы на Францию, США и Германию "ревизия" фундаментальных постулатов "классического" видения Революции, характерного для историков ли-

---

[2] Ср.: Великая французская буржуазная революция: Указатель русской и советской литературы. М., 1987; Каталог Национальной библиотеки Франции на сайте http://www.bnf.fr

[3] *Лукин Н.М.* Указ. соч. С. 197, 208.

[4] Французская буржуазная революция. М.; Л., 1941. С. 708—709.

[5] *Манфред А.З.* Споры о Робеспьере [1965] // Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С. 380.

[6] Определение "ревизионистское", чаще всего встречающееся в нашей научной литературе, это направление получило от своих оппонентов. Сами же его представители предпочитают название "критическое".

берального и социалистического толка, вызвала со стороны последних весьма негативную реакцию. Вспыхнувшая полемика имела ярко выраженную идеологическую окраску и велась в жестких тонах. Однако даже на этом фоне позиция советских историков, включившихся в дискуссию в середине 70-х годов, выделялась своей крайней нетерпимостью. Критику традиционного для марксистской историографии прочтения Французской революции они восприняли как посягательство на основы марксистского учения в целом, а за кулисами научного диспута увидели политический "заговор" против социалистического лагеря. "Стрелы, направленные против Французской революции XVIII в., целят дальше, — это стрелы и против Великой Октябрьской социалистической революции, могущественного Советского Союза, против мировой системы социализма, против рабочего и национально-освободительного движения, против всех демократических, прогрессивных сил, с которыми связано будущее человечества", — писал А.З. Манфред в журнале "Коммунист"[7], главном теоретическом органе ЦК КПСС, что подчеркивало идеологическую значимость сюжета.

Эта статья, последняя опубликованная при жизни историка, оказалась своего рода политическим завещанием признанного лидера советской историографии Французской революции. И действительно, появившиеся в конце 70-х — начале 80-х годов труды отечественных исследователей о "ревизионистской" историографии, если не по форме, то по духу своему полностью соответствовали подходам, намеченным Манфредом. При внешней академичности и несомненной информативной ценности этих работ, их авторы преследовали прежде всего идеологическую цель — доказать полную научную несостоятельность любой попытки пересмотра марксистской интерпретации Французской революции[8]. Эта задача существенно облегчалась тем, что в нашей стране сочинения историков-"ревизионистов" были не доступны для широкой научной общественности: ознакомиться с ними можно было, только получив доступ в спецхран.

Впрочем, "ревизионистам" в советской историографии еще "повезло": их работы, по крайней мере, стали предметом специального анализа, пусть даже и в целях идеологического опровержения. О консервативных же историках в отечественной литературе до самого конца 80-х годов, как правило, продолжали писать языком политического памфлета. Дабы дать читателю более полное представление о существовавшей тогда в нашей науке ситуа-

---

[7] *Манфред А.З.* Некоторые тенденции зарубежной историографии [1976] // Манфред А.З. Великая французская революция. С. 419.

[8] *Соколова М.Н.* Современная французская историография. М., 1979; *Афанасьев Ю.Н.* Историзм против эклектики: французская историческая школа "Анналов" в современной буржуазной историографии. М., 1980; *Далин В.М.* Историки Франции XIX — XX вв. М., 1981.

ции, рискну предложить его вниманию один из текстов того времени, посвященных данной проблеме, а именно — свое выступление на уже неоднократно упоминавшемся "круглом столе" 1988 г. За прошедшие годы многое изменилось в нашей науке, и сегодня *этот* текст уже выглядит в чем-то архаичным, однако я привожу его целиком, таким, каким он 16 лет назад вышел в малотиражном и давно уже ставшем библиографической редкостью сборнике материалов указанной дискуссии. Пусть читатель почувствует вкус той эпохи перемен, когда отечественные историки Французской революции находились на распутье: с одной стороны, они еще и не помышляли о том, что когда-либо смогут выйти за пределы марксистской парадигмы, в лоне которой произошло их профессиональное становление, с другой — они уже остро ощущали невозможность дальнейшего развития науки в жестких идеологических рамках и всеми силами стремились эти рамки раздвинуть.

О новом отношении к консервативной историографии: через критику к синтезу

В силу ряда обстоятельств, заслуживающих специального освещения, в советской исторической науке на длительное время утвердился довольно односторонний подход к интерпретации истории Франции конца XVIII в. Французская революция и, особенно, якобинская диктатура рассматривались преимущественно с точки зрения их прогрессивной значимости. Любая же попытка критического осмысления отдельных негативных сторон революционного процесса неизменно встречала отпор. Естественно, при подобном взгляде на вещи имело место практически полное неприятие советскими авторами консервативной историографической традиции. По праву считая себя продолжателями "классической" историографии революции[9], они унаследовали от своих предшественников — либеральных и демократических историков конца XVIII — начала XX в. — не только достоинства, но, к сожалению, и не вполне объективное отношение к сторонникам консервативного направления, доходящее нередко до отрицания вообще какой-либо научной значимости их работ.

Оправдан ли такой подход? Допустимо ли повторять практически без всякой коррекции суждения, высказанные в пылу полемики десятки лет назад, когда прием, оказываемый тому или иному сочинению о революции, определялся не столько его научно-познавательной ценностью, сколько его политической направленностью?

Легко понять чувства Т. Пейна, называвшего сочинение Бёрка "Размышления о революции во Франции"[10] "драматическим произведением", изобилующим инсинуациями и искажающим факты с целью оклеветать

---

[9] Термин, введенный в оборот французским историком-марксистом А. Собулем (см.: *Собуль А.* Классическая историография французской революции. О нынешних спорах // ФЕ. 1976. М., 1978), широко используется и в советских работах.

[10] *Burke E.* Reflections on the Revolution in France. L., 1790.

восставших французов[11]. Для демократа Пейна книга Бёрка была лишь политическим памфлетом, призванным воспрепятствовать распространению революционных идей в Англии. Но означает ли это, что и почти два столетия спустя можно ограничиться повторением его оценки, характеризуя работу Бёрка только как "яростные нападки" человека, охваченного "припадками слепой, безумной, судорожной ярости"[12]?

Когда А. Олар и Ж. Жорес вступили в спор с И. Тэном, они рассматривали его многотомный труд[13], прежде всего, как попытку поставить под сомнение политические ценности 1789 г., начертанные на знамени Третьей республики. Соответственно их отношение к Тэну определялось, в основном, острой политической борьбой тех лет, в которой либерал Олар и социалист Жорес были активно действовавшими лицами[14]. Однако, как справедливо заметил А.З. Манфред, "страсти, когда-то волновавшие и разделявшие участников и современников революционных событий, а позже их сторонников и противников, давным-давно перегорели и остыли, от них остался лишь пепел"[15]. Почему же в нашей специальной литературе работу Тэна до сих пор определяют "по Олару" — лишь как "злостную карикатуру на революцию"[16]?

Напряженностью политической ситуации объясняется также суровый прием, который встретили в 20-е годы историко-социологические изыскания О. Кошена[17]. Для Олара и А. Матьеза, чьи резко отрицательные рецензии обрекли эти труды на долгое забвение, консервативные

---

[11] *Пейн Т.* Права человека // Пейн Т. Избранные сочинения. М., 1959. С. 189, 197—198, 200.

[12] *Косминский Е.А.* Историография средних веков. V в. — середина XIX в. М., 1963. С. 279. Фактически отрицают сколько-нибудь позитивный вклад Бёрка в историографию революции и другие авторы: *Волкова Г.С.* Эдмунд Бёрк и идейно-политическая борьба в Англии по вопросу о французской революции (1789—1793) // Проблемы новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1972; *Абрамов В.Н.* Вопросы государства и общества в политической философии Э. Бёрка // Тезисы к Всесоюзной конференции "Методологические и мировоззренческие проблемы философии". Секция 7. М., 1986.

[13] *Taine H.* Les origines de la France contemporaine. La Révolution: In 3 vols. P., 1878.

[14] Позднее в этой связи известный историк Ж. Лефевр писал: "Олар... никогда не переставал быть журналистом". — *Lefebvre G.* Les historiens de la Révolution française // Lefebvre G. Réflection sur l'histoire. P., 1978. P. 235.

[15] *Манфред А.З.* Великая французская революция. С. 402. Сам Манфред, отмечая, что "привнесение в историческую науку откровенно политических мотивов не приводит и не может привести к плодотворным научным результатам" (Там же. С. 410), тем не менее характеризовал Тэна в духе скорее политического памфлета, чем академического исследования (см.: Там же. С. 370, 380).

[16] *Биск И.Я.* История исторической мысли в новое время. Иваново, 1983. С. 69. См. также: Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977. С. 174—175.

[17] *Cochin A.* Les sociétés de pensée et la démocratie. P., 1921; *Idem.* La Révolution et la librepensée. P., 1924.

взгляды Кошена были важнее новизны поставленных им проблем. Понять их нетрудно: правые тогда шли к власти под лозунгом отказа от традиций Великой французской революции[18], и острокритическое освещение революционной истории в условиях тех лет неизбежно принимало ярко выраженную политическую окраску. Но времена изменились[19]. Почему же и теперь суждения Олара и Матьеза преподносятся в качестве решающего аргумента "научной несостоятельности" работ Кошена[20]?

Должны ли мы безоговорочно принимать оценки, вынесенные десятки лет назад? Надо ли становиться на точку зрения историков прошлого, чей небеспристрастный подход к истории революции был обусловлен особенностями современной им политической ситуации? Надо ли по примеру "проякобинской" историографии XIX в. освещать факты с позиции одной из участвовавших в революции сторон?

Едва ли такой путь отвечает сути марксизма, призывающего рассматривать каждое явление диалектически, учитывая всю совокупность его внутренних и внешних связей и противоречий. Известно, например, сколь гибко и неоднозначно оценивали различные этапы революции К. Маркс и Ф. Энгельс[21]. Такой же диалектический подход необходим ныне и при оценке реального вклада различных исследователей в изучение революционных событий XVIII в. Надо отказаться от предвзятого отношения к работам консервативных авторов, чтобы суметь увидеть в их трудах не только отличную от марксистской идеологическую направленность, но и все то действительно позитивное, творческое усвоение которого позволило бы нашей исторической науке дальше продвинуться по пути постижения объективной истины. Основой для успешного развития исследований истории Французской революции должен стать **синтез подлинно научных достижений всех течений мировой историографии**, в том числе консервативного.

Предпосылки для этого есть, ибо частично такой синтез фактически уже осуществляется, хотя и в скрытой форме. Историки-марксисты разрабатывают немало проблем, впервые поставленных именно консервативными авторами, правда, об истоках подобных исследовательских направлений в этих случаях, как правило, не упоминают. Приведем несколько примеров.

Ученые-марксисты всегда проявляли повышенный интерес к социально-экономической сфере жизни французского общества накануне, во время и после революции XVIII в. Однако начало осмыслению экономической подоплеки революционных событий положили еще их современники. Проблема экономической обусловленности и последствий революции

---

[18] См.: *Коваленко В.Г.* К вопросу об идейно-политических концепциях лиги "Аксьон франсэз" // ФЕ. 1985. М., 1987. С. 92—93.

[19] Сейчас во Франции едва ли можно найти хоть одного серьезного исследователя, который полностью бы отвергал позитивное значение революции XVIII в. "Чтобы понять революцию, надо ее принять, хотя бы до определенной степени", — пишет видный французский историк Ф. Фюре (*Furet F.* Penser la Révolution française. P., 1978. P. 116).

[20] См.: *Далин В.М.* Историки Франции XIX—XX веков. С. 247—248.

[21] См.: *Ревуненков В.Г.* Марксизм и проблема якобинской диктатуры. Л., 1966. С. 16—49; *Он же.* Взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на проблемы Великой французской революции и современная наука // Вестник Ленинградского ун-та. 1968. № 8. С. 10—30; *Далин В.М.* К. Маркс и Великая Французская революция // ФЕ. 1983. М., 1985. С. 5—19.

для хозяйственного развития широко обсуждалась участниками дискуссии, развернувшейся в английской публицистике 90-х годов XVIII в. и оказавшей большое влияние на последующие изыскания профессиональных историков. Причем, в данное русло дискуссия была направлена Эдмундом Бёрком, одним из наиболее ярких представителей консервативной мысли нового времени, который уже тогда поставил важнейший теоретический, не разрешенный в полной мере и поныне, вопрос об экономической детерминированности и цене революции[22].

Другая важная проблема, неизменно находящаяся в центре внимания марксистской историографии, — проблема классовой борьбы. Мы знаем, что еще до Маркса ее активно разрабатывали либеральные историки эпохи Реставрации, чьи труды позднее получили самую высокую оценку классиков марксизма. Одним из непосредственных предшественников Тьерри и Гизо, Минье и Тьера на этом поприще был опять же Э. Бёрк. Он ранее многих других указал на конфликт "денежного" и "земельного интересов" как на объективный фактор, ставший при определенных субъективных условиях предпосылкой революционного переворота во Франции.

Бёрк также был одним из первых, кто увидел и подверг критике противоречия нового социального строя, возможности для развития которого открыла революция.

В XIX в. историков интересовала в основном политическая сторона революционных событий. Героями большинства монографий выступали Мирабо и Лафайет, Бриссо и Дантон, Сен-Жюст и Робеспьер, а также другие видные деятели революции. Крестьянство и плебс появлялись в этих работах эпизодически, народные движения были там лишь фоном, на котором происходило действие, разыгрываемое немногими выдающимися актерами. Кто же из авторов вывел массы на авансцену? Обратимся к свидетельству столь признанного авторитета в этой области историографии, как П.А. Кропоткин: «У *Тэна* (курсив мой. — *А.Ч.*) история революции является в совершенно ином виде, чем у других историков. Люди, на которых сосредоточивалось внимание прежних историков, у него исчезают. Его книга написана не для возвеличивания Робеспьера, как "История" Луи Блана, не для оправдания Дантона, как художественная история Мишле, — в ней видно, как народ делал революцию». И далее: "После Тэна формальная история революции уже невозможна. Будущая история революции должна быть историей народного движения за этот период"[23]. А вот мнение А. Собуля: "Не следует забывать, что Тэн указал направление поисков, которые не могли не принести плодов. Он пролил свет на социальный характер движения секций и показал, чем оно угрожало буржуазии"[24].

Тэн не только привлек внимание специалистов к народным выступлениям конца XVIII в., он также поставил задачу исследования социальной психологии и массового сознания революционной эпохи. В последнее время зарубежные историки-марксисты немало сделали для разработки

---

[22] Подробнее см.: *Чудинов А.В.* Эдмунд Бёрк и его оппоненты (первые размышления англичан о Французской революции) // Культура эпохи Просвещения. М.: Наука, 1993.

[23] *Кропоткин П.А.* Тэн о Французской революции // Кропоткин П.А. Великая французская революция. М., 1979. С. 458—460.

[24] *Собуль А.* Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966. С. 28.

этой темы[25], однако надо подчеркнуть, что именно Тэн первым широко использовал так называемый психологический метод при изучении событий революции. По словам Ж. Лефевра, благодаря Тэну, "коллективная психология стала для историка необходимым инструментом исследования"[26].

Ряд любопытных мыслей об отдельных аспектах революционного сознания высказал и О. Кошен. В частности, его привлекала проблема соотношения утопических представлений робеспьеристов об идеальных путях развития общества и реальной социально-политической ситуации во Франции конца XVIII в. С попыткой насильственного воплощения этой утопии в жизнь Кошен связывал некоторые особенности развития революционного процесса в период якобинской диктатуры[27]. Позднее, в конце 20-х годов в том же направлении вели чрезвычайно интересные изыскания советские историки Ц. Фридлянд и Я.В. Старосельский[28], но, к сожалению, им не удалось завершить свои поиски, так как в 30-е годы оба были незаконно репрессированы.

Из-за недостатка времени мы не можем подробно остановиться на исследованиях современных консервативных историков революции. В нашей специальной литературе о них, особенно о представителях "ревизионистского" направления*, написано уже довольно много, причем в ряде статей намечен гораздо более объективный подход к освещению данного течения историографии[29], чем это делалось ранее по отношению к их предшественникам.

Впрочем, и уже сказанное дает достаточные основания признать: марксистская наука должна использовать положительный опыт, накопленный консервативной историографией. Разумеется, прежде его надо изучить, а потому нужны самые широкие и объективные исследования в этой области[30]. Естественно, они вовсе не предполагают отказа от крити-

---

[25] *Rudé G.* The Crowd in the French Revolution. Oxford, 1965; *Idem.* The Crowd in the History. 1730 – 1848. L., 1981; *Vovelle M.* La mentalité révolutionnaire. Société et mentalité sous la Révolution française. P., 1985.

[26] *Lefebvre G.* La naissance de l'historiographie modrene. P., 1971. P. 247.

[27] Подробнее см.: *Чудинов А.В.* Огюстен Кошен и его вклад...

[28] См.: *Фридлянд Ц.* 9-е термидора // Историк-марксист. 1928. Т. 7; *Старосельский Я.В.* Проблема якобинской диктатуры. М., 1930.

* За это смещение консервативного и ревизионистского направлений историографии автор выступления был позднее подвергнут справедливой критике в исторической литературе. См.: *Блуменау С.Ф.* От социально-экономической истории к проблематике массового сознания. Французская историография революции конца XVIII века (1945 – 1993 гг.). Брянск, 1995. С. (*Примечание 2006 г.*).

[29] Так, А.В. Адо отмечает: "Было бы неверно считать, что в этих работах ("ревизионистов". – *А.Ч.*) не привлечено внимания к некоторым действительно сложным и важным проблемам французской истории той эпохи". – *Адо А.В.* Великая французская революция и ее современные критики // Буржуазные революции XVII – XIX вв. в современной зарубежной историографии. М., 1986. С. 109.

[30] Такой подход уже просматривается в нескольких работах, появившихся в последнее время. См., например: *Лебедев Ю.Б.* Э. Бёрк и Великая французская революция (У истоков историографии революции). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1983; *Катюк Ю.Н.* И. Тэн как историк-психолог // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1984.

ки работ консервативных авторов, но содержание этой критики должно стать совершенно иным, чем прежде. До сих пор она нередко сводилась к констатации консервативного характера воззрений того или иного историка, что, как правило, оказывалось достаточным для признания его построений ненаучными. Установление действительной принадлежности исследователя, далеко не всегда им самим признаваемой, к определенной историографической традиции, бесспорно, необходимый этап научной критики. Необходимый, но не последний. Решающим фактором при оценке исторических трудов должна быть их познавательная значимость, а не идеологические установки автора. Если же консервативное мировоззрение исследователя обусловило в каком-либо конкретном случае тенденциозное, искаженное изображение действительности, критик обязан показать, что выводы данного историка неудовлетворительны именно в *силу недостаточной научности, а отнюдь не потому, что тот, кто их сделал*, имеет взгляды, отличные от его собственных.

Только так можно обеспечить марксистским исследованиям развитие на основе синтеза научных достижений всех без исключения направлений мировой историографии.

* * *

В ходе дискуссии того же "круглого стола" вопрос о необходимости пересмотреть отношение к историкам консервативного и "ревизионистского" направлений и перейти от "опровержения ради опровержения" к изучению их работ был поднят и в выступлениях ряда других участников (А.В. Адо, Л.А. Пименовой, В.В. Согрина, А.М. Салмина)[31].

Впрочем, тенденция трактовки научных оппонентов как идеологических противников была тогда все еще сильна, хотя и она претерпевала определенные изменения. В данной связи весьма показательна программная статья академика А.Л. Нарочницкого, вышедшая накануне 200-летия Французской революции. Автор статьи курировал в Академии наук программу мероприятий, приуроченных к этому юбилею, и его выступление на страницах журнала "Новая и новейшая история" носило откровенно установочный характер: маститый академик обозначал для нового поколения отечественных историков Французской революции те направления, по которым они должны вести свои исследования[32]. Среди *прочего прозвучал и призыв подвергнуть критическому анализу* работы О. Кошена:

«Почти неизвестным для советских ученых является консервативный историк первой четверти XX в., неоднократно уже упоми-

---

[31] Подробнее см.: *Чудинов А.В.* Назревшие проблемы изучения истории Великой французской революции: По материалам обсуждения в Институте всеобщей истории АН СССР // НиНИ. 1989. № 2. С. 69–70.

[32] См.: *Нарочницкий А.Л.* Юбилей Французской революции: поиски и проблемы // НиНИ. 1989. № 3. С. 10.

навшийся О. Кошен. Его книги об упрочении в 1793 – 1794 гг. неких "обществ мысли", фанатически добивавшихся осуществления чисто абстрактных идей Руссо о равенстве и общей воле, стали евангелием историков ревизионистской школы, прежде всего Ф. Фюре. Труд Кошена пронизан отвращением к якобинизму и натянутыми искусственными концепциями. Представляется целесообразным подвергнуть анализу взгляды Кошена, первым выступлением которого была защита И. Тэна от критики его А. Оларом... Всегда лучше иметь дело с оригиналом, а не его копией: критика Кошена будет более плодотворна, чем разбор повторения его мыслей историками-"ревизионистами"»[33].

Похоже, сам А.Л. Нарочницкий был не слишком хорошо знаком с творчеством Кошена: в книгах последнего речь шла о распространении "обществ мысли" в дореволюционный период, а не в 1793 – 1794 гг., когда на смену им пришли революционные клубы. Да и определение погибшего в 1916 г. Кошена как "историка первой четверти XX в." выглядело не очень точным. Иными словами, этот французский исследователь был тогда "почти неизвестен" не только советским ученым в целом, но и самому автору статьи. Впрочем, это не помешало последнему дать четкую установку на "изобличительную" трактовку идей Кошена, априорно охарактеризованных как "натянутые искусственные концепции". Тем не менее статья отражает и явный прогресс даже в этом "обличительном" подходе: для "опровержения" консервативного историка она призывает хотя бы изучить его работы, без чего раньше вполне обходились.

Однако дальнейший ход событий в стране и произошедшие в исторической науке перемены очень скоро обесценили любые идеологические установки, в том числе касавшиеся консервативной и "ревизионистской" историографии. За минувшие с тех пор годы вышел в свет ряд монографий, где были подробно проанализированы некоторые ключевые аспекты "ревизионистского" и консервативного прочтений Французской революции[34]. Отдельные работы видных представителей консервативной историографии[35] и современного "критического" направления[36] переведены

---

[33] Там же. С. 16.

[34] *Блуменау С.Ф.* "Ревизионистское" направление в современной французской историографии Великой буржуазной революции конца XVIII в. Брянск, 1992; *Он же.* Споры о революции во французской исторической науке второй половины 60-х – 70-х годов. Брянск, 1994; *Он же.* От социально-экономической истории...; *Чудинов А.В.* Размышления англичан о Французской революции: Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М., 1996.

[35] *Бёрк Э.* Размышления о революции во Франции. М., 1993; *Он же.* Правление, политика и общество. М., 2001; *Местр Ж., де.* Рассуждения о Франции. М., 1997; *Кошен О.* Малый народ и революция. М., 2004.

[36] *Фюре Ф.* Постижение Французской революции. СПб., 1998; *Озуф М.* Революционный праздник 1789 – 1799. М., 2003; *Генифе П.* Политика революционного террора 1789 – 1794. М., 2003.

на русский язык. Все это создало благоприятные условия для расширения методологического диапазона отечественных исследований революции.

И все же, на мой взгляд, сделаны пока лишь первые шаги по освоению современной российской историографией научных достижений консервативного направления исследований Французской революции. О том, сколь полезным порою бывает подобное вливание свежей крови, можно судить по опыту французской историографии. В качестве наглядного примера мы сравним, как развивались во Франции исследования по двум идеологически острым проблемам революционной истории: а именно — изучение роли, сыгранной в Революции масонами и янсенистами. Темы эти во многом схожи: споры по обеим идут уже более двухсот лет в рамках непрекращающейся дискуссии об истоках Революции. С обеими связаны и свои "черные легенды" — о "заговоре" соответственно масонов или янсенистов против Церкви и Монархии. Однако историография каждой из указанных проблем имеет и свои существенные особенности: если в исследовании масонской тематики важную, а в чем-то и определяющую роль сыграли наработки именно консервативных авторов, в частности историко-социологические идеи О. Кошена, то историки янсенизма, напротив, игнорируют предложенные им подходы. Судить о результатах читатель сможет сам, ознакомившись с двумя последующими главами.